
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск)

Русский поэт Игорь Лукьянов. Автор тринадцати сборников стихотворений. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии имени «Левша» Н. С. Лескова.

* * *

Благодарю судьбу за юность,
Где далеко не старики,
Гражданские будили струны
Учителя-фронтовики.
Самонадеянных без меры
Старались увести от бед.
И приводили нам примеры
Из собственных военных лет.
Прекрасных дней и свет, и горечь,
Где от души — не напоказ
И Аристархыч, и Семеныч
Учили честной жизни нас.

* * *

Порой с печалью
 иль с усмешкою
Гляжу на поле жизни я,
Где напролом
 и с перебежками
Шел бездорожьем бытия.
Звездой судьбы,
 как все вedomый.
В бессилье
 и в избытке сил,

И дома,
и вдали от дома
У Бога
помощи просил.

* * *

Всем нутром
ты глаголь
иль пиши —
не услышат,
как тут не усердствуй,
по ту сторону
русской души,
по ту сторону
русского сердца.

ОСЕНЬ — 2015 ГОД

Не жду я светлой полосы.
И все большее год от года
От беснования попсы
И деградации народа.

* * *

Забьется сердце,
Дух вдохнув удачи.
Но эта радость —
Ты во мне — зазря.
Ведь столько
Над судьбой своею плачет
По всей земле
И люда,
И зверья...

КОНСТАНТИНОВО

Село не лучше и не хуже
Других таких же — вдоль Оки,
Но столь название неуклюже
Для поэтической строки,
Что сам поэт, что здесь родился
И эту землю прославлял
Среди «березового ситца»
Его ни разу не назвал.
Но чтоб село то узнавали,
В стихах оставил на века
Из этих мест,
Из этих далей
Холмы, луга и облака.

* * *

К чему идти?
Какого ждать исхода?
От слов тошнит,
Но и молчать невмочь.
Из номера
Гостиницы холодной
Поэт, как сын,
Угрюмо смотрит в ночь.
В домах напротив
Зажигали окна.
Вот вспыхнуло еще одно,
И в нем
Пришла с работы женщина,
намокнув
Под морозящим
тягостным дождем.
Плащ, отряхнув,
на вешалку повесит
Как хорошо
иметь уютный кров.
Пойдет на кухню
и замесит тесто.
И что ей
до поэтов и стихов.

* * *

Работал армейский «Урал»,
Продуваемый зимней дорогой.
И в нем, коченея,
В суровых солдатских шинелях,
Наш взвод из наряда
Сквозь ночь
возвращался к порогу
Родимой казармы
с мечтою о теплой постели.
Мы сутки
охрану объектов вели по Уставу,
Не зря
были выданы нам
«калаши» и патроны.
Я после по жизни не раз
до предела устану,
Но выдержат плечи,
На коих носил я погоны.

* * *

*Пушкой нам общим памятником будет
Построенный в боях социализм.*

Владимир Маяковский

Поэты —
сыновья
отцов Победы.
И славы,
и таланта
разный груз.
Но всем нам
общим памятником будет
предательством
разрушенный Союз.

* * *

По мосту
грохочут поезда.
Красный берег.
Синяя вода.
Нету клева.
Да и нужен ли он,
коль такой
радушный небосклон.
Коль такая
ласковая даль.
Первозданный
тютчевский хрусталь.

МОМЕНТ

Ночной автострады
Космический шум.
Кольшется
Звездная сеть.
Я не лихач.
Я просто спешу.
Мне надо успеть.
«Фольксваген» готов —
лишь жми на педаль —
На двести с лихвой.
Мне надо успеть
Распороть эту даль,
Чтоб тихо вернуться домой.

СКАЗ О НИКИТЕ КОЖЕМЯКЕ

I

Россия степная.
Ковыль нелюдимый.
С коня не слезая,
Воюет Владимир.
Вокруг супостаты.
Набеги. Набеги.
Разбили хорватов.
Пришли печенеги.
Река разделила
Два войска, сверкая.
В даль смотрит Владимир,
С коня не слезая.
Там рать кочевая
Кипит, словно рой.
От края до края,
Готовая в бой.
И наши щитами
Гремят пред собой,
За русское знамя
Готовые в бой,
Кто примет решенье?
Кто первым пойдет?
И кровью сраженья
Окрасится брод.

II

Тут хан-басурманин,
Доспехи из кожи,
Сверкает глазами
Чумазая рожа.
Кричит через речку,
Расправив плеча:
«К тебе я навстречу
Пошлю силача.
А ты поперед
Своего посылай.
Коль наша возьмет,
То пограблю
Твой край.
Коль твой одолеет,
Войска отведу.
Решай, князь, скорее
Не медли. Я жду».

III

В селении жили,
Не слыв в забияках,
Отец кожемяка
И сын кожемяка.
И были их руки
Их делу под стать,
Ведь кожу —
Не бабу дебелию мять.
Сынок как-то раз
На отца осерчал
И шкуру, что мял,
Разорвал сгоряча.
Окрестные люди,
Хотя и не сразу.
О сыне Никитке
Поведали князю.
Воспрянувший князь
Тут же
Кликнул сынка.
Чтоб силу проверить
Пригнали быка.
Бык люто топтался.
Бык люто ревел.
На молодца вдруг,
Словно вихрь, налетел.
Хватил наш Никита
Бычка за бочок.
Меж пальцев остался
Кровавый клочок.
«Что ж,
Хватка,
Что надо! —
Воскликнул тут князь —
Я вижу —
Лицом
Не ударишь ты в грязь...»

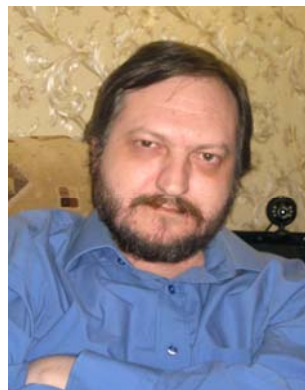
IV

Пришел печенежин,
Собою гордясь
Силищей своею
Дыбясь и горясь.
Пришел. На Никиту
Глядит, хохоча.
Где, дескать, такого
Нашли силача.
Лицом простодушен.

Собой невелик.
Не воин совсем,
А сермяжный мужик.
Слегка замахнулся.
Но тут его хватъ
Никита о землю,
Тому уж не встать...
И дрогнула тут
Печенежская рать.
Коней повернули
И — в степи бежать.
А там, где Никита
Врага уложил,
Владимир на радостях
Град заложил.
Здесь русскую славу,
Не сльв в забияках,
В руках удержал
Мужичок-кожемяка...

Алексей Скарედов
(г. Тула)

Наш постоянный автор. Издал несколько поэтических сборников (Россия, Канада).

ЗВЕРЬ

Прикорнуть бы чуть-чуть —
Это все, что сегодня мне надо,
Да болезная чужь
Проглядела мне веки до дыр.
Не сомкнуть глаз уже,
А кому-то и утро отрада.
Я же лег на меже —
Лупоглазый седой Барастыр*.

Я придумал, как быть —
Очень просто и очень коварно,
Но не смог я заплыть
За буйки оторвавшихся грез.
Дотянул я до дна,
Только дно оказалось бездарно,
И любовь, что одна,
Не утопит в кропильнице слез.

И вот так я живу —
Хоть вы верьте, а хоть вы проверьте —
До утра на плаву,
А с утра снова чай да постель.
Я поведал струне
Тайны все — от рожденья до смерти,
И прилег на стерне
В ожиданье, что скажет метель.

Только лето живет
Все еще по жаре окаянной,

* Барастыр — в осетинском фольклоре злой великан с глазами на ниточках.

Надорвал я живот
И смеяться мне больно, поверь.
Я мечтаю о сне —
Верно, грешный, но все ж покаянный,
Верный прошлой весне,
Стерегающий грядущую — зверь.

ПЛАТОНИЧЕСКИЕ СТРАСТИ

Разорвут меня на части
Платонические страсти,
Скажешь им едва лишь: здрасте!
И погаснет свет свечей.

В темноте не до Платона,
Громкой искрою пистона,
Раздается вроде стона
Обезумевших речей.

Не играют в прятки дети,
Не играют песни эти,
А за тьму мы все в ответе,
Коли кончилась игра.

И на завтра нет здесь плана,
Не орет народ: «Осанна!»
И глядит из-за тумана
Солнца глаз: вставать пора!

Плюнул я на печку ночи —
Пусть играет тот, кто хочет.
Говорят, Москва не Сочи,
Но пропил я города.

Если стих хоть что-то значит,
Значит, он не просто скачет,
А со смыслом. День был начат
Бестолково, как всегда.

А за ним опять темнеет
Ночь, седой прохладой веет
И платоновой идеей
Вечеру страдаю вновь.

Платонические страсти
Разорвут меня на части
И из ран, червовой масти,
Просочится в мир любовь.

КОЛОКОЛЬНЯ

Ниже старой колокольни
Мир пластался горький, дольний,
А по миру шли бродяги —
Не князя и не сутяги —
Их влекло дороги метром
И расхристанным злым ветром.
По святым местам ступая,
Видно, доля их такая,
Негде было преклонить им
Головы, но Рок событий
Влек их смело в дольний мир
К Небесам — через потир.

Выше старой колокольни
Распластался Ангел вольный —
На постели белых крыльев
Облаков седых, не пыльных.
За бродягами следил Он
Зорко — оком из светила,
Помогал, когда придется,
И дорога плавно вьется
Пыльной лентой, без потери —
Кто не верил, тот поверит:
Близок звон монастыря —
Все Ему благодаря.

А на старой колокольне
То ли бес, а то ли воин
Света — в паутине нитей
Ищет звоном свет наитий.
Медь поет бродягам песни:
«Тот, кто умер, да воскресни...»
И они идут за нею —
Кто в Саров, а кто в Гвинею —
Ярче краски, тише звуки
Дорогой сердечной муки.
Языки колоколов
Объяснят им все без слов...

ФАНК

Тане

Я внимаю звукам фанка
В предрассветной тишине.
Тьма со светом на войне
И шуршит окурком банка,
Я валяюсь на спине.

Эрик Бердон? То, что надо!
Эх, раздайся шире круг!..
Но табак лихих разлук
Я один курю надсадно —
Благо, что он вечно сух.

Кто кому здесь будет должен?
Не понять ни мне, ни вам.
Жизнь доверил я словам,
Но писать не расположен,
Хоть и верен я стихам.

Их несмелое искусство
Возвращает к жизни вкус,
А искусство есть искус.
Больше жизни! Больше чувства!
К предрассветной мгле прорвусь.

И придумаю завязку
И развязку для стиха.
Улица лежит — тиха,
Но наполнит ее лязгом
Зарифмованным соха:

Вместо манны сею манку —
Улиц целина стерней
Колет душу — громче пой!
Мне любезны звуки фанка
Этой раннею порой.

* * *

Золотой телец — из похабных снов.
Ты учти, мудрец, первородство слов —
Они пляшут в такт, осушая гать.
Нянчит суку — факт — растакая мать.

Дарит небо свет, дарит страсть нам ночь.
Я шепчу: «Привет», да и вы не прочь.
Только что мне вы? Что мне треск огня,
Если крик совы разбудил меня?

Я лежу один. В предрассветный бред
Ночи бел сатин, а иного нет.
Учит стих мудрец из не наших слов,
А стиха конец тонет в даре снов.

Виктория Ткач
(г. Тула)

PERSONALIA

Заведующая Домом-музеем В. В. Вересаева. Поэт, переводчик. Член Союза российских писателей. Автор семи поэтических сборников. Имеет публикации в литературных журналах и альманахах Тульской области, Тулы, Москвы, Санкт-Петербурга, Люблина (Польша). Дипломант литературной премии «Золотое перо Тулы», дипломант Международного поэтического конкурса «Цветаяевская осень». Руководитель областного музейно-литературного объединения «Муза» при Доме-музее В. В. Вересаева. На сегодняшний день «Муза» является полноправным участником литературной жизни Дома-музея В. В. Вересаева и Тулы. Хорошей традицией стали выступления с литературно-музыкальными спектаклями в библиотеках и музеях Тулы и Тульской области. «Муза» регулярно принимает участие в собраниях Совета московских литературных объединений в библиотеке-читальне И. С. Тургенева (Москва). Участники объединения являются лауреатами городских, областных и Всероссийских литературных конкурсов. Имеют многочисленные публикации в литературных альманахах Тульской области, Тулы, Москвы, Санкт-Петербурга, Орла. Являются авторами персональных поэтических и прозаических сборников.

* * *

Писать и жить — чудесное родство,
Подобное Божественному Свету.
Прекрасен вдох! И что, мой друг, с того,
Что мир не назовет тебя поэтом?

Ты просто знаешь — где-то высоко,
Подвластное незыблемым законам,
В небесной чаше дышит молоко,
Вскормившее младенца на иконах.

Ты знаешь день и то, что до него,
С полночной круговертью зрячих строчек,
И явь, и сон — о, сколько же всего
В твоей душе незримо кровотоцит!

Пиши! Живи! И чувствуй лишь одно
Родство, не замутненное гордыней!
Тебе в словах родиться суждено.
Пусть не поэт, но ты — живой отныне!

* * *

Я — безголосая.
В горле — пустыня.
Страхи, надежды, беззвучное имя
Сердце колюче сыпает по венам
Словно песчинки — сухую замену
Алому, жгучему, сильному морю,
Бившему — волнами! — в счастье и горе...
Что же случилось? — Прощанье? Прозренье?!

Просто
дописано
стихо-
творенье.

* * *

Бесполезность строк и строф,
Безымянность дней. —
Среды тысячи Голгоф
Это — действенной.

Быть распятой в голосах
Слабым отзвуком.
Среди сотен тысяч «ах!» —
Как без воздуха,

Как без жилки на виске —
«Нет, не пишется...»
И висят на волоске
Те, что в книжице

Будут вытканы слова
Небом ситцевым.
А пока — я не жива,
И —
все снится мне...

* * *

Все! О себе — ни слова! Хватит — наговорилась!
Лучше о том, что дальше, вне и совсем родное.
В снеге — немного света,
В небе — чуть-чуть акрила,
Все остальное — блики, спрятанные на дно и

Смазанные рассудком, голосом «за» и «против»
(Разве ему доступно то, что всего дороже?!).
Мир — это лишь картина с датой на обороте,
Чьи золотые тени — словно пыльца на коже

ГАДАНИЕ

Перекроились
Линии на ладони —
Стали чуть резче,
отрывистей,
и — бездонней.
Белая кожа натянута и — больней.
Сколько в пунктирах
ночей и дней?

Вьются узоры спиральной вселенской пылью.
Линия жизни — в созвездие сухожилий.
Взрыв! И уже не холмы — до кости
Руку стесала о пальцы — врага ли? гостя?

Линия счастья
Крест-накрест
С линией сердца —
Знак для незрячей: «Смотри, никуда не деться!
Сетью опутан твой хрупкий изгиб тепла!»
И не дышала еще, а уже — отцвела

В серых надрезах и линиях на ладони.
Что — не спокойней?
Разве тебе — не спокойней?!

Белая кожа натянута все больней...
Жизнь — только черточка...
Ну же...
Иди по ней...

* * *

Я думала, в душе не зверь —
Горсть ежевики темно-синей.
Из всех отчаянных потерь
Себя терять — невыносимей.

Мне ягод спелых не нести —
Внутри ломает, разрушая.
Не плодоносить, а растить
Того, кого сама не знаю.

И потому не расплести
В моих садах сухие корни.
На каплях горького «прости»
Цветет осот колюче-сорный.

И только зверь, безумный зверь
Кричит отчаяньем безликим.
Из всех невидимых потерь —
Вкус кисло-сладкой
Ежевике...

**ПРЕДЧУВСТВИЕ СЕБЯ.
ПОЭТИЧЕСКИЙ ТРИПТИХ**

* * *

Не вспомнить.
Не простить.
Не обрести
Мгновенья, ускользнувшего сквозь пальцы.
Миг не вернется. Он из тех скитальцев,
Что дышит только таинством пути.
Не вспоминай.
Не обретай —
Прости!

Проходит все.—
Так жизни суета
Дробит в песчинки призрачное время,
И вечность оставляет только с теми,
Кто начинает с чистого листа
Прощать.
И помнить.
Верить.
Обретать.

* * *

И опять
Что-то бьется внутри, толкается...
Я застыла — осенняя старица,
Руки — тени безлистных ветвей...
Есть ли кто-то слабей, но живей
В этом остром предчувствии: мается,
Сок проснулся у самых корней!

Не сдержат!
Не запретное — сладкое,
Осознанье — беззвучно, украдкой —
Скоро, скоро дожждаться тепла!
Замерзала.
И не умерла.
И теперь пряно-солнечной патокой
Я лечусь, догорая дотла.

Я лечусь.
И молчу, неумная!
Только где-то внутри, потаенные,
Прорастают изгибы крыла...
То, что раньше «могла» — «не могла»,
Пеплом стало и новыми зернами.
Кто была?

Кем была?

Я — была?..

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова

* * *

Дочке Веронике

Твоя улыбка — лучик света.
Твой звонкий смех, как ручеек.
Совсем недавно счастье это
Себе представить я не мог.

Мы по заснеженной дорожке
Пройдем по парку неспеша
И от тепла твоей ладошки
Моя согреется душа.

* * *

Тишина, исчезли звуки
В позаброшенной глуши.
Только сердца перестуки,
Словно колокол души.

* * *

Опадает листва
И былое в душе отмирает.
Но с надеждой
Встречаю я каждый рассвет.
Через ветви деревьев
В окошко мое проникает
Золотой согревающий
Солнечный свет.

Александр Скворцов
(г. Нюрнберг, Германия)

Скворцов Александр Николаевич родился 28.01.1984, место рождения: г. Павлодар, образование: среднее, профессия: водитель, место жительства: г. Нюрнберг.

* * *

Может смешно, может быть грустно...
Непонятность тревожней всего.
Пробуждает забытое чувство
Человек не от мира сего.

Что утрачено нами навеки
От борьбы, суеты и шумих,
Лишь поднимет он томные веки,
Ты во взгляде читаешь, как стих.

Не легка у судьбы его ноша,
Как набитый камнями мешок —
Он частенько друзьями заброшен,
И бывает среди них одинок.

Он неряха, чудака и пройдоха,
Или просто один из тихонь,
Но в груди до последнего вздоха
Сберегает лампадки огонь.

Мир тебе, человек ниоткуда,
Наплевавший на дразги толпы!
Ни властители, ни лизоблюды
Не столкнут тебя с верной тропы.

ВАВИЛОН

Машины, асфальт и железобетон —
Все для народа... для быта.
Никто никогда не сметет Вавилон.
Он врос в наши души гранитом.

Его разрушали, он строился вновь
На боли, печали и стонах,
И, проливая невинную кровь,
Плодил на земле своих клонов.

Теперь красотой всяких садов
Блистают их гордые рати,
Там птицы поют, не щадя голосов,
О вечной мирской благодати.

Да, Вавилон, ты собою хорош,
Но две стороны у медали!
Дороги свои лабиринтом плетешь,
Где люди умом заплутали.

Превыше всего в твоём мире успех:
Богатство, могущество, слава.
Ты любишь и чувствуешь только лишь тех,
Кто может купить себе право.

Нет места любви в этом хаосе лжи.
Здесь в храмах лукавят иконы.
Куда ни взгляни, всюду сплошь миражи,
Сердца здесь и те с силиконом.

* * *

Сердце бьется сегодня капризней,
Навевает печальный мотив.
Что я понял о суетной жизни?..
Жизнь — стезя... полусон, полумиф.

Впереди неоглядные дали,
Позади переплеты дорог
И в беспечном туманном начале
Мой родительский, добрый порог.

Мама, мама, прости, дорогая,
Что своею надменной стезей
Я все реже, бездумно шагая,
На глаза появляюсь домой!

Зарастает высоким бурьяном
Мой знакомый приветливый путь,
Но досаду за самообманом
Мне никак не дается сглотнуть.

Никогда я любить не боялся.
Как же вышло такое со мной?
Видно здорово я увязался
Не за той путеводной звездой.

Мама, мама, прости, дорогая!
Я сведу свою дурь к палачу
И однажды, по жизни шагая,
Снова тропку к тебе утопчу.

АХ, КИНО, КИНО!

Ах, жизнь — не кино. И не все нам дано.
Не все поддается строптивым желаньям.
И даже, наверное, где-то смешно
Пускаться в какие-нибудь подражанья.

Но хочется быть беспредельно крутым —
И скалы отвесные брать без страховки,
И расправляться с отребьем любым.
Ан нет... невозможно без спецподготовки.

Казалось бы, вот оно — просто шути!
Галантности капельку или чуть меньше!
И мысленно ровни тебе не найти, —
Да где же вдруг шарм твой в компании женщин?

В кино все красиво, наивно до слез.
Бывает удача и нам выпадает...
По сути — триумф... как бы, апофеоз,
А в нужный момент саундтрек не играет.

За час или два пролетает сюжет.
Ты рвешься к таким же успехам, победам.
Ведь все очень просто... вон брезжит просвет!
Но сколько труда нужно в жизни изведать.

Ольга Павлова

(п. Заокский Тульской области)

Ольга Владимировна Павлова родилась в г. Ижевске 17 мая 1982 года. Сейчас проживает в п. Заокский Тульской области. Писать стихи начала сразу, как только научилась писать. Первая публикация — в 14 лет в литературном журнале «Луч». Свое призвание нашла в муже, детях, в профессии учителя, не забывая любимое занятие — поэзию.

ГОРШЕЧНИК И ГЛИНА

В огромные лунки воткнув новостройки —
В цветочных лугах посадив исполины,
Ударная стройка продвинулась бойко,
Сметая июньских цветов кринолины,

Остатки прижались к холмам глинозема.
Наверно, из этих курганов Горшечник
Под пение кранов, отбойников звоны
Взял смесь каолина с ромашкой аптечной

И мастерски создал основу для чуда
Из самого редкого в мире фарфора.
В мечтах я была совершенным сосудом,
Но в дар получила нелепую форму.

Я Мастера в печь вызывала для спора,
Просила, давала советы немножко,
А Он собирал и подкладывал хворост.
Я — просто обычная грубая плошка.

В огне полыхающей бурями печи
Бессмысленны были любые протесты,
Мой облик нескладный был увековечен
От частых и вечно-печальных известий.

Меня продавали с торгов за бесценок,
В холеных руках никогда не бывала,
Затерся ромашковый редкий оттенок,
Я — каши сиротской конец и начало.

А трещин все больше... Но стоит затронуть,
Под слоем чудовищных грубых наростов,
Сливаясь с каким-то особенным звоном
Звучит мой прозрачный фарфоровый остов.

Однажды чужие небрежные руки
Избавят меня от шербатовых узоров,
Но Мастер, услышав знакомые звуки,
Часы достает и бормочет: «Не скоро».

Я БЫЛА БЫ ВСЕГДА НЕДОВОЛЬНА ТОБОЙ

Я была бы всегда недовольна тобой,
Хорошо себя знаю,
Потому мне назначена вера судьбой,
И реальность иная.

Слишком хрупок снежинки тончайший ажур
На моей рукавичке,
На тебя каждый раз, как на чудо, гляжу,
А не так, по — привычке.

Нам минуты развернуты вечностью всей,
Позабыты детали,
Ведь для нас каждый миг — это встреча друзей,
Что навеки расстались.

В ПРОУЛКАХ ГОРНЫХ ДЕРЕВЕНЬ

В проулках горных деревень
Блуждали, путаясь, минуты,
И бесконечно — душный день
Тягучим сном хребты окутал,

Пока хозяин строгий спит,
Все оживляются в хибарке:
Среди насыщенных палитр
Язвят проворные товарки,

И колотушек мерный стук
Не заглушает разговоров,
В движениях проворных рук
Рождаются на свет узоры.

Узлы сплетают день за днем,
Загадочную карту мира,
Где в ярком танце кружевном
Срослись цветы, ручьи, секиры,

Дома, кувшины, птицы, сад
Все чередуется по кругу...
Торговец бойкий был усат.
Он сам не помнил, чья заслуга,

Кто смог и вдоль, и поперек
Соткать неведомые страны,
Как звали женщин, чей станок
В ауле горном Дагестана,

И кто так выстрадал узор,
Зашифровал такие мысли,
Что русской девочке ковер
Стал сказочной основой истин.

У бабушки горячий бок,
Она заснет, не кончив сказки,
Но дальше катится клубок
По шерстяным восточным краскам,

Щекочет грубо пальцы шерсть,
Веду обратно пальцем — гладко,
Я чью-то жизнь смогла прочесть,
Как закорючки по тетрадке,

Потом, когда пришлось терпеть
Узоры поворотов жизни,
Я знала, что, свиваясь, плетъ,
Однажды лепестками брызнет,

И, расцветая, заслонит
Собой от всех клинков железных,
Нас веры тоненькая нить
Способна удержать над бездной.

Сегодня в детской нет ковра,
Дизайн в квартире современный,
Дочь спит, сейчас в ее мирах
Пустые бежевые стены...

Сергей Редков
(г. Тула)

ГРАЖДАНСКАЯ НЕЛИРИКА

СНЫ О ДЕВЯНОСТЯХ

Мой самый страшный сон приходит явью,
Где царствуют пороки всех сортов,
Где вместо вечного «люблю» — чужое “love you”
Звучит насмешкой из преступных ртов.

Где душу променяли на «свободу»,
На «счастье» продавать себя и всех,
На разрешение лить слезы, словно воду,
На гибель совести под чей-то сытый смех.

На вечный бой за тепленькое место,
За честь палатками застроить каждый двор,
Где ежедневно — громкие аресты:
Да только вора не посадит свой же вор —

Его живот, как студень, вздрогнет рябью...
А над страной летят, летят гробы
В том страшном сне, который дышит явью,
В котором все мы — жалкие рабы.

«ИМПЕРИЯ ДОБРА»

Творят добро по всей планете
Ребята в касках, с автоматом.
А вдруг у вас не мирный атом?
Сейчас инспектор к вам приедет!

А вдруг свободы где лишают
И нарушают право граждан?
Отправим танки в город каждый!
У нас ведь армия — большая.

А вдруг тиран, достойный мести,
Таится в доме вашем мышью?

Спецназ мы высадим на крышу!
Взорвем ваш дом с тираном вместе!

...Спасают день и ночь планету
Солдаты силой автомата.
От вас спасти бы Землю надо,
Пока еще есть право вето!

КОШМАРЫ ДАРВИНА

I

Обезьянам дали автоматы,
Обезьянам обещали Рай.
И, загнав бананом в казематы,
Приказали им: «Давай, стреляй!»

И стреляют обезьяны ночью.
И стреляют обезьяны днем.
Мир, и без того непрочный очень,
Разрушают злобой, жгут огнем.

И сородичей кромсают, как баранов.
Кровь и слезы льются через край...
Вот что делает желание есть бананы!
Вот что делает желание видеть Рай!

II

Но вмешался в бойню Высший Разум:
Дал бананы и построил Рай.
Обезьяны стали Ното сразу.
Ешь. Плодись. Живи — не умирай!

Для трудов благих даны им земли,
Для любви, подобной райским снам.
Пусть душа святая Богу внемлет!
Что еще для счастья нужно нам?

Воцарился мир на всей планете,
Но... бананов стало не хватать,
И проснувшийся примат, при лунном свете,
Точит нож на брата, словно тать.

III

И опять разбой во всех пределах;
Жадность ловит души, как блесна.
Разделились на зеленых, черных, белых,
Только кровь у всех одно — красна.

Раздают приматам автоматы.
Соблазняют, бедных, словом «Рай».
И, загнав бананом в казематы,
Снова требуют: «Давай, стреляй!»

И стреляют обезьяны ночью.
И стреляют обезьяны днем.
Мир, и без того непрочный очень,
Разрушают злобой, жгут огнем

ЗАБОРЫ

Как грибы, растут заборы,
Будто люди — это воры,
Будто каждый, словно тать,
Хочет что-то своровать.

У забора — стража стай
С грозным видом вырастает,
С подозрением глядит,
«Нет прохода!» — говорит.

Я кричу им: «Мы же — братья!
Не хочу чужого братья я!
Не маньяк я и не вор!
Я иду к себе во двор!»

А в ответ мне: «Докажите!
Паспорт, справку покажите.
Вдруг несете вы во двор
В сумке спрятанный топор?»

Я в ответ им: «Да на кой мне!?»
А они в ответ — ногой мне!
От обиды — стал икать.
Что же, надо привыкать...

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭГОИЗМ

Те годы канули во мгле,
Когда страна — одна семья.
Теперь гуляет по Земле
Погрызшее в гордыне «Я».

В трудах не тратя силы зря,
Купаясь в море всяких благ,
Разбухшее от спеси «Я»
Над всем живым поднимет флаг.

Мария Ямпольская
(г. Екатеринбург)

**ПЕРЕВОДЫ НА ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК
СТИХОТВОРЕНИЙ ПОЭТА ОЛЕГА ЗАЙЦЕВА**

Родилась 25 ноября 1988 г. в г. Свердловске (ныне Екатеринбург).

Награждена дипломом Международного фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции-2010», дипломом Конгресса литераторов Украины «За весомый вклад в развитие литературного процесса и укрепление международных творческих связей», литературной премией имени Юрия Каплана.

Победитель конкурса «Россия — Италия: узнаем друг друга» в номинации «За лучший перевод из современной итальянской прозы и поэзии» (Екатеринбург, декабрь 2011 г.).

Ряд переводов стихотворений итальянских поэтов опубликован в литературном альманахе «ЛитЭра» (Москва), литературно-публицистическом журнале «Западная Двина» (Минск), газете «Вестник культуры» (Минск). Подборка стихотворений опубликована в сборнике «Литературный Казантип» (2013 г.).

С 2011 г. — член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь».

Победитель Международного литературного конкурса «Славянская лира-2014» в номинации «Художественный перевод» на приз зрительских симпатий, I место. Победитель Международного литературного конкурса «Славянская лира-2014» в номинации «Художественный перевод», II место.

* * *

Là sognando, sul lido azzurro e bello,
Carezzando col guardo le onde bollenti,
E distratto, pensavo a quella donzella,
I cui occhi son fondi e tanto ardenti.

Io sedevo, le onde chiassavano lievi,
E il sole sguazzava nel placido mare,
Ma a chi eravano pensieri miei,
La cui pelle volevo acarezzare.

Hanno noi incontrato e all'improvviso
Tu mi infatuava, la fata ondina,
Ero come dannato dal mio destino,
Ma l'istanti andati obliar indeciso.

Nè tuffarsi in gorgo, nè lasciare i giri:
Com' l'infante, la gatta e com' l'alberello,

Non ti penti, doveri non restituire,
Ho amato, ma tu diventav' adultera.

La bellezza giustizia, non salva solo,
Benche voglio tanto levarla del mente,
Ma sul lido inanime piaga il sogno,
E le onde penetrano l'occhio assente.

* * *

У лазурного берега теша мечту,
Ясным взором лаская кипящие волны,
Я сидел и рассеянно думал про ту,
Чьи глаза и безбрежны и пламенем полны.

Я сидел, набегала волна на волну,
Солнце мягко плескалось в дали безмятежной,
Только мысли мои были все про одну,
Чей и голос, и кожу лелеял я нежно.

Повстречались, и вдруг увлекла за собой,
Обояв-обольстив, ворожея-русалка,
Был я словно помечен и проклят судьбой,
Хоть ушедших мгновений по-прежнему жалко.

Ни в пучину нырнуть, ни оставить круги:
Как ребенок, как кошка, как деревце льнула,
Поздно каяться, ведь безвозвратны долги,
Полюбил, но в чужих простынях утонула.

Нет, не только спасает, казнит красота,
Хоть стремясь уберечься, кричу «пощади», но
Вновь у черствого берега ранит мечта,
Взор мутнеющий волны пронзают нещадно.

IN DUE

La notte e la luna è pallente,
Modella gli immogini di cera,
Più dolce che la corda veramente
Il tuo cinguettio, è il miele.
Ed il sussurro tremolante gratta
I miei orecchi tra dei sogni terzi.
Siamo tutti fanno malefatte —
Raggracimolano l'esperienza.
Dal palmo c'è 'l colore di porpora,
La mano brucia come un fuoco.
E siamo prigionieri ora
Della lussuria in questo loco.
E com' un'ara tue due colli
Teneri con le pine delle tette,—

E tutto questo qui mi rende folle,
Mi vengono i brividi, ho sete.
C'è il sudore salso come perle,
Identici a ritmo travolgente.
Licore dalla tua bianca pelle
La mia bocca lecca, è brucante.
Dell'ance tue l'elasticità,
L'affresco della tua bella faccia,
Tu hai diviso questo a meta
E ti abbandoni nel mio braccio.
Io senso con la mia dolce gota
Che morbide e tonde tue spalle,
Purtroppo, ma la notte è tanto corta,
Non sono nostri corpi le farfalle.

ВДВОЕМ

Ночь, а бледный пятак луны
Восковые фигуры лепит,
И нежнее звука струны
Твой восторженный, сладкий лепет.
Сквозь чужие грезы и сны
Слух ласкает дрожащий шепот.
Для природы мы все равны —
Копим мы понемногу опыт.
Обжигает тепло руки:
След ладони — красные краски.
Вновь мы — пленниками реки
Сладострастья, неги и ласки.
И, как жертвенник, два холма
Куполами сосков темнеют,—
Это сводит меня с ума,
Это дрожь в моем теле сеет.
Скользкий бисер — на теле пот;
В буйном танце фигуры схожи.
Солонь пьет мой горячий рот,
Пьет с твоей белоснежной кожи.
И упругость бедер твоих,
И лица опальную фреску,
Разделив лишь на нас двоих,
Ты во власть отдала мне дерзко.
Я изгиб податливых плеч
Ощущаю мягкой щекою,
Жаль, что ночь коротка для встреч,
Что тела желают покоя.

* * *

Il velluto delle tua ciglia
Di mirtillo e le labbra piene
Son appieno imperturbabile,

Son di sacco e non son di miele,
Ma agogno impertanto io,
Cerco l'occhio tuo in folata,
Ci siamo incontrato — Dio mio! —
Sono sbigottito, stupefatto...
Abbagliato del tuo splendore,
E temendo perderti di vista
Mi imbianco, smanio ancora
C'è dentro di me il senso misto.
E avrando molta gelosia,
Senz' fiatare volo, mi affretto —
Porsi in ginocchio servilmente
E ti sussurrare “Tu sei mia”.

* * *

Твоих ресниц черничных бархат
И розоцветье сочных губ
С невозмутимостью Плутарх
Я — твердокаменен и груб —
Желаю одержимо все же:
В толпе выискиваю взгляд,
И вот мы встретились, о Боже!:
Я поражен, повержен, взят...
Сияньем взгляда ошарашен,
Боясь с ним разлучиться, вдруг
Бледнею, нервничаю даже
Тревогу чувствую, испуг.
Но, к собственной ревнуя тени,
Спешу, волнение затая,
Чтоб рухнуть рабски на колени,
Чтоб прошептать тебе «моя».

Валерий Акимов*
(г. Нижневартовск)

ПАЛОМНИК

1

Паломники всегда приходят с миром,
Имея в душах пальмовую ветвь.
Не ради поклонения кумирам,
К себе влечет не просто белый свет.
Желанье это в них неколебимо:
Им надо побывать в святых местах!
Бредут себе по миру пилигримы,
С молитвой неизменной на устах,
И взгляды их светлы от покаянья,
Проходят километры и года.
Живут они добром и подаяньем,
Им в помощь — Божий промысел всегда.
Вся жизнь их — над собою переможье
И с Богом бесконечный разговор.
Не в тягость непогода, бездорожье...
Идут себе страстям наперекор.
Как повезло мне в жизни, Христа ради,
Лишь капле в океане бытия:
Церковным старостою был мой прадед,
Не заплутал в безверии и я.

2

Отыскав себя в нашем приходе,
Видно, в церковь привел Божий глас.
И, всегда активист по природе,
Отличиться сумел и сейчас.
По сибирскому гостеприимству,
Не за золотом и серебром,
Пригласили в Тобольск. Пилигримство!
Ну, а так как дружу я с пером,
То могу описать откровенье.
Неспроста вдруг такой поворот:
На поездку дал благословенье
Настоятель Георгий. И вот,
Словно свет мне из буднего мрака,
И моя есть на небе звезда.

* Наш постоянный автор.

Устремляюсь в Тобольск не зевакой,
А паломником еду туда,
Хоть живу с ним почти по соседству,
И всегда был и есть выездной.
Этим городом бредил я с детства,
С Менделеевым связан судьбой,
Там величье и смерть атамана,
Кремль парит над иртышской водой...
Поклонюсь я мощам Иоанна
И счастливым приеду домой!
Ветерок обдувает вагоны,
Занося к нам таежный дурман.
А мы мчим все вперед к небосклону...
Кто же этот Святой Иоанн?

3

Слова о доброй памяти звучат,
С молвою растекаются все шире
В честь жившего здесь триста лет назад
Святого Покровителя Сибири.
Тот век его бездушием не смял —
Идущему не страшно бездорожье.
Он в искушеньях смуты устоял,
Всем сердцем прославляя имя Божье.
И выбрал путь свой без мирских утех
Великий сын Руси и Украины,
Чтоб дальше жить с молитвою за всех,
Оставшись неподвластным властелинам.
Врагов своих в смирении прощал.
Не уставая думать о грядущем,
Упорно тьму незнания просвещал,
Убогим помогал и неимущим.
Всегда в делах, с покоем на душе
Он превратил трудом священным в клире
Тобольский городок на Иртыше
В столицу православия Сибири.
И высоко пронес церковный сан,
Народу делал праздники из буден
Заступник наш — Тобольский Иоанн.
И мы его вовеки не забудем!
Не зря спешим в Тобольск на торжество
И нас уже ничто не остановит.
Сильней роднит духовное родство
Друг к другу и волнует чувство нови.

4

Не счастье ли, когда мечта сбывается!
Выстукивает сердце многоточия
И мне загоризонтье открывается,
И вот увидел я Тобольск воочию.

Так привлекали взор к себе строения
И не было в домах однообразия.
Гуляли, пробуждая вдохновение,
Все девушки — красавицы из Азии.
Задался день чудесною погодою,
Ни шороха пока, ни дуновения,
И наслаждалось облако свободою,
Остановив счастливые мгновения.
И золотилось небо бирюзовое
Над куполами солнечными бликами,
И было настроение особое,
И расцветали улицы улыбками
В честь нашего тобольского Святителя,
И благовест ему, и песнопение...
Заступнику и нашему Учителю
Мы воздаем на Празднике почтение.
Со всей Сибири съехались посланники
И краше мир от этого свидания.
И я теперь такой, как эти странники
И с ними одного того же звания.

5

Тобольский Кремль зубчатою стеной
Мне передал привет из прастоветий.
Теперь он в яви тут передо мной
Раскинулся во всем великолепии...
Хотя еще Софиевка в лесах,
Над нею благодатью свет струился.
С лицом от умиления в слезах
Зашел туда, куда я так стремился.
На миг меня величием ослепил,
Я воспыал надеждой несказанно,
Когда простым паломником ступил
В Покровский храм, где мощи Иоанна.
И там своей молитвою не вдруг
Я попросил его не по записке,
Чтобы помог он исцелить недуг
Той, что сейчас мне ближе самых близких.
Вымаливал здоровье не себе
Пред ракою коленопреклоненно.
И небо становилось голубей,
Казалась взгляду глубь его бездонной.
И благовест разлился как ответ,
И неспроста душе моей запелось:
Милее стал и краше божий свет,
И жить еще сильнее захотелось.
И я поставил к образу свечу,
И сердце так восторженно забилося,
И стали все невзгоды по плечу,
И будто солнце ярче засветилось.

6

За ракой в крестном ходе, как во сне я
 Прошел в Кремле, а небо все яснее.
 И был невдалеке совсем Владыка —
 Рукой подать от мала до Велика!
 Что я стою в Софиевском соборе.
 Не осознал в паломническом задоре.
 Таких соборов три еще на свете.
 Открылся этот мне в церковном свете.
 Веками тут намаливали стены,
 И лики образов глядят степенно.
 И, хоть с икон в глаза Он смотрит строго,
 Что я в Тобольске — промысел от Бога!
 Неужто происходит все со мною?
 Но люди — слева, справа, за спиною
 И, наконец, себя воспринимаю.
 Словам с благоговением внимаю.
 Звучит молитва, чудо сотворяя,
 А я ее тихонько повторяю.
 Покойней на душе от покаянья.
 И, хоть устал от долгого стоянья,
 Вдруг ощутил в себе такую силу,
 Когда услышал «Господи, помилуй!»,
 А мне и со смиренной головою
 Звон колокольный силу ту удвоил.
 А благовест все шире растекался.
 И как-то незаметно день смеркался.
 И в свете звезд мы будем неустанно
 В молитвах славить память Иоанна.

7

День, как перелистнутая страница,
 Всего лишь раз успел я оскоромиться.
 Не терпится с детинцем ознакомиться,
 Хоть столько на ногах, а мне не спится.
 Светает. Алый цвет, как на порфире.
 Тобольск в туманной дымке поднимается,
 Но без Кремля он не воспринимается.
 Взмывает Кремль — жемчужина Сибири.
 Не дремлют его башни в карауле.
 Глядит со всех сторон сама история.
 А в глубине, за лугом — консистория,
 Напоминает мне пчелиный улей.
 Рассвет на заглядение лучистый.
 И снова служит Богу семинария.
 Запоминаю, как на семинаре я,
 Смотрю во все глаза. Семинаристы
 Чисты в стремленьях, с долею иною,
 Они на Красной площади встречаются,
 И в светском платье статью отличаются —

Походка с распрявленной спиной.
В глазах — забота, лицами светлеют
И на челе у каждого — достоинство.
Все в черных кителях — Святое воинство,
Лишь подворотнички на них белеют.
Я видел как сторонний наблюдатель:
Они не для того, чтобы тешлаться.
И зря хотят красотки им понравиться —
В ребячьих душах царствует Создатель!
Уверен, радость не бывает серой!
И синь до горизонта простирается.
Благочестиво отроки стараются,
Страну упрочить православной верой.

8

Не могу я усидеть.
Коль в Тобольск приехал,
Надо город оглядеть!
Возраст — не помеха.
В грусти старые дома,
Прошлое жалея.
Набирался тут ума
Юный Менделеев.
Им гордится неспроста
Городок былинный.
Манят чудные места,
Не страшит путь длинный.
А дорога — не пряма,
Гонит по столетьям.
Тут и царская тюрьма,
И костел с мечетью.
Люд сибирский дорожил
Не болотной хлябью.
Здесь родился, долго жил
Александр Алябьев.
Знаменит он, ей же ей,
Автор пьес и песен,
Наш тобольский соловей
Многим стал известен.
Неспроста мой взгляд горит:
В чудных красках лета
Все в округе говорит
О коньке поэта.
Не по этим ли холмам
Он унес Ивана
В сказке к царским теремам
В зипунишке рваном.
Голубеет не спеша
Лента Иртышова.
Восхищается душа
Родиной Ершова.

9

Все так же, как и много раз,
Явила добрый нрав Сибирь,
Любовно от сглазливых глаз
Упрятав женский монастырь.
Его лелеют, как цветок,
Чтоб этот светоч не зачах.
И вот — старания итог
На хрупких сестринских плечах.
Они здесь дома, не в гостях.
А день июньский тепл и тих
И небо, словно синий стяг,
Передо мной — одна из них.
Как целомудренна она!
Стяжанья нет, душой цветя,
Вся — в послушанье. Тишина
Ей для моления. Хотя
Еще по-женски молода
И привлекательна на вид,
Но не улыбчива всегда
И без веселости глядит.
Мир уместила в закуток,
Такою выбрала из норм:
Все темно, длинно и платок,
Ни каблуков и ни платформ,
Закрытый ворот, рукава...
На ней и платье, как доспех.
Судьба черницы такова —
С губ не сорвется громкий смех.
Зато глаза, ее глаза!
Из них всегда лучится свет
И могут многое сказать,
Дав на любой вопрос ответ.
И будь то зной или мороз —
Решимость бледного лица...
Ее жених — Иисус Христос
И ей идти с ним до конца.

10

На небе тучи. И жара
Сегодня спала. И с прохладой
Готов я снова в путь с утра
И побывать в скиту мне надо...
Так много в жизни повидал,
Свидетель страшных потрясений.
Не забывая вознесений,
С народом вместе он страдал,
Не избежав земных потерь.
Но Божья Матерь Абалака
Спасала всех тогда от мрака.

Она спасает и теперь.
Познав предательский навет,
Все пережили эти стены.
И в прошлом — подлые измены.
В монастыре грядет расцвет.
Мы у него всегда в долгу.
Он наш душевный утешитель...
И возрожденную обитель
Не посетить я не могу.
Был встречен солнечным дождем.
Там старина и новостройки.
Так будем, люди, верой стойки!
И в смуте мы не пропадем.
Ничто не делает Бог зря
И кровь людская не водица!
Должна Россия возродиться,
Как стены вокруг монастыря!
И будет вновь такой размах!
Не может это не случиться.
И мы сумеем отличиться.
Напрасно ль братия в мольбах?

11

А мне уже пора домой —
Какой роман без точек.
Но будет вечно жить со мной
Тобольский городочек.
И я в обиде на судьбу,
Что не бывал тут раньше.
И говорю не в похвальбу,
Без лести и без фальши:
Куда не взглянешь — экспонат!
Нельзя им не гордиться.
И манит древний аромат —
Ну, как не возвратиться!
Мир изменяется вокруг
И жить на свете любо.
Звон колокольный нежит слух,
Чуть слышно шепчут губы:
Когда ласкает солнце плоть
И в стужу ледяную,
Благодарю тебя, Господь,
За благодать земную!
Что путеводная звезда
Мне светит лучезарно,
Благодарю! Жаль, не всегда
Бываю благодарным.
За это, Господи, прости.
Как рад, что я — не лишний!
И легче будет мне в пути,
Когда прощен Всевышним.

